

© 1990 г.

К. В. Чистов

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО ДОМА *

Когда мы говорим об «общеевропейском» доме, то, видимо, имеем в виду не замок, не виллу и не барак, а многоэтажный и многоквартирный дом, населенный дружелюбными семьями, живущими в соседствующих квартирах. Говоря о таких семьях, я имею в виду не государства, которые могут возникать и объединяться, разделяться и интегрироваться, а народы, населяющие Европу.

Если у нас хватит разума создать такой дом, то это не значит, что он будет населен одним единственным народом, обезличенными «европейцами». Разумеется, все мы европейцы, но каждый из нас в то же время русский или украинец, француз или швед, немец или финн и т. д. Я не думаю, что подобное утверждение можно было бы считать национализмом в отрицательном значении этого слова. Было бы очень грустно, если бы кто-нибудь из нас, а тем более мы все потеряли свои национальные традиции, в фундаменте которых заложена традиционная культура каждого народа. Это было бы так же скучно, как если бы мы все вдруг потеряли свое лицо, свою индивидуальность, свой характер, темперамент, пол, родной язык и свою историческую память. Народы, так же как отдельные люди, познают себя в общении с другими (именно с другими, а не с точно такими же, как они сами).

Мне могут напомнить о примере США, где мигранты из разных стран становятся американцами. Однако пример этот не убедителен. Далеко не все американцы забыли о своем происхождении, даже те, кто не говорит на языке своих предков. Англичане, ирландцы, немцы, итальянцы, славянские народы, тем более африканцы, пуэрториканцы, мексиканцы... Несколько лет тому назад в Ленинград приезжал помощник Киссинджера, занимавшийся национальными проблемами. Он произнес знаменательную фразу: «Мы думали, что в американском котле сварился суп или компот, а оказалось, что мы приготовили винегрет!»

Таким образом, и в США есть свои проблемы; в частности, они связаны с тем, что в отличие от европейских народов отдельные этнические группы в Америке если и тяготеют в своем расселении к соплеменникам, то они все-таки не связаны с традиционной и исторически сложившейся этнической территорией. Это не значит, что европейские народы издавна не общались или не мигрировали по Европе. Взаимодействие культур происходило всегда. В наше время межнациональные связи очень активизировались, межгосударственные и межрегиональные миграции заметно усложнили этническую структуру всех европейских стран, особенно крупных городов (таких теперь в Европе много — более 50 из них имеют свыше 1 млн. чел). В Ленинграде каждый десятый постоянный житель — не русский, в Москве — каждый седьмой. Однако эти города остаются русскими, развивающими русские традиции, правда, активно впитывавшими и впитывающими иноэтнические элементы культуры. Мне приходилось бывать в Лондоне и Париже, я видел на их улицах много не англичан и не французов, но не заметил, чтобы эти города потеряли свой национальный облик.

Бесспорно и всеобщее распространение мировых, общеевропейских или региональных комплексов культуры. Что-то при этом теряется. Прогресс всегда сопровождается потерями, однако многое еще не утрачено и, наверное, утрачено не будет, если мы отнесемся к этому вполне разумно. Это проблема не только социологическая или культурологическая, а в не меньшей степени духовная,

* Вступительное слово на открытии общеевропейской конференции Международной организации по народному творчеству — «Традиционная культура народов Европы в становлении общеевропейского дома» (30 мая — 4 июня 1990 г. в Новгороде).

нравственная, моральная, проблема нашей общей совести, нашей будущей общеевропейской демократичности. Надо найти возможность каждому остаться самим собой.

Очень важно, что в основе особенностей культуры каждого европейского народа лежат свои фольклорно-этнографические традиции. В основе — это не значит исключительно. Бесспорно, общеевропейское (и шире) значение имели, например, такие всем известные великие мастера профессиональной культуры, как Шекспир, Гёте, Толстой, Достоевский, Бальзак, Сервантес, Бах, Шопен. Культура любого европейского народа без них непредставима. Вместе с тем народные традиции были в основе фундамента их творчества, были их тылом и постоянным источником обновления.

«Общеевропейский дом» — это не просто метафора, вошедшая в современный язык официальной и народной дипломатии. Такой дом издавна существовал, хотя в нем далеко не всегда господствовали порядки, которые нам теперь кажутся естественными и желательными. И не только желательными. Мы более осознали, что они неотвратимы, неизбежны. Иначе наш «дом» может уподобиться кораблю, который затонет со всей своей командой и всеми пассажирами. Это проблема не только европейская, но и мировая.

Проблемами народной культуры (или, точнее, народной традиционной культуры) всегда занимались этнография (этнология, культурная антропология) и фольклористика, как филологическая, так и музыковедческая. С точки зрения этих наук надо было бы говорить не о «становлении» общеевропейского дома, а о его восстановлении. Европа всегда рассматривалась этими науками в масштабе ойкумены как специфический и единый историко-этнографический (а следовательно, и историко-фольклорный) регион.

Расселение четырех больших индоевропейских групп (романской, германской, балтской и славянской) перекрыло, видимо, довольно редкое население, среди которого наиболее значительную роль для последующей истории Европы играли кельты. Не углубляясь в эти сложные и далеко не ясные проблемы, напомним только, что современная этническая структура Европы сложилась в основных чертах в конце I — начале II тысячелетия нашей эры. На восточной и северо-восточной периферии Европы оказались финно-угорские и тюркские народы, история которых тоже была достаточно сложна. Кроме того, в Европе с давних пор дисперсно расселены некоторые этнические группы (например, евреи и др.).

Формирование Европы как единого историко-этнографического региона стимулировалось не только общим индоевропейским наследством, но и общим типом хозяйства — пашенным земледелием умеренного пояса (в этнографии такой случай обозначается как общий хозяйственно-культурный тип), которое в некоторых районах Европы (карпато-балканском, альпийском, пиренейском и др.) сочеталось с горным отгонным скотоводством и в юго-восточных районах — со степным скотоводством, имеющим свое естественное продолжение в Азии.

Третьим важнейшим фактором формирования Европы как единого историко-этнографического региона (кроме уже называвшихся — общего индоевропейского наследия и общности хозяйственно-культурного типа) было, несомненно, общее античное наследие в его греческом и римском вариантах. Известно мощнейшее влияние древнегреческой культуры на римскую и последней (прямое и непосредственное) на народы Центральной и Западной Европы. Юго-Восточная и Восточная Европа в большей мере подверглась прямому воздействию древнегреческой и позже византийской культуры. С этим связано и двуединство конфессионального фактора, тоже сыгравшего чрезвычайно важную роль в развитии европейской культуры. На европейском континенте возникло, распространилось от Атлантики до Урала и многие века господствовало христианство в его римско-католическом и греко-православном вариантах (позже в вариантах развития того и другого — протестантизм, англиканство, кальвинизм, различные баптистские секты, а в России — старообрядчество, униат-

ство и тоже разного рода сектантство). Длительное время существовали два полюса притяжения — римский и византийский, это тоже были два сходных пути и два варианта развития как античного, так и раннехристианского наследия. Античная и христианская мифология органически вошли в «язык» европейского искусства и литературы, перекрывая ее этнические отличия и субрегиональные варианты.

Антропологи (имеется в виду физическая антропология) обоснованно выделяют европеоидную расу как одну из пяти больших рас человечества. Это тоже очень важно, хотя и не определяет культурного единства. Здесь не место говорить о сложном взаимоотношении антропологического, социального и культурного начал. Хотелось только указать, что у европейских народов никогда не существовало расового барьера. Диапазон колебания (варьирования) европеоидных признаков в разных регионах Европы был всегда невелик. Это предопределило и то, что европейцы сравнительно легко перемещались внутри Европы, а мигрируя в страны Азии, Африки или Америки, стремились в первую очередь обосноваться в сходных природных зонах, держались как бы вместе. Один из ярких примеров этого — география ранней миграции русских в Сибирь. В отличие от европейской части России, тут мигранты (по мере расширения этнической территории русских) двигались не вдоль рек, стекающих в северные или южные моря, а пересекая их миграционной полосой, в которой условия аккультурации были близки к европейским.

И наконец, бесспорным фактором, способствовавшим формированию Европы как историко-культурного региона, были многовековые межэтнические культурные связи и взаимодействия. Они обнаруживаются и на раннем археологическом уровне, и на разных этапах глоттогонического (языкотворческого) процесса, начиная с самого раннего, связанного с индоевропейским наследием и так называемым «великим переселением» народов. Для позднего времени лингвисты недаром говорят о «языковых союзах», т. е. о связях и взаимодействии самостоятельных языков контактирующих народов. То же самое наблюдается и в историко-культурной сфере — в науке давно прижились термины «циркумполярная», «циркумбалтийская», «средиземноморская», «карпато-балканская» и т. п. культуры.

Вместе с тем европейская культура в ее своеобразных формах распространилась вместе с мигрантами на обе Америки, Австралию, Азию (о русской миграции в Сибирь мы только что говорили), где возникли ее новые варианты. Влияния шли, разумеется, в обе стороны. Ранняя Америка дала Европе картофель и табак, поздняя — достаточно много, чтобы сейчас была необходимость это специально описывать.

Все сказанное справедливо как по отношению к архаической традиционной народной культуре, так и по отношению к современности. Когда мы говорим о Европе как историко-этнографическом регионе, это не значит, как мы уже об этом упоминали, что все везде было одинаковым. Опыт составления общеевропейских этнографических карт показал, что различные элементы и комплексы культуры имели не совпадающие ареалы. Кроме того, давно известно, что и этнические границы очень часто не совпадают с языковыми, тем более в них не укладываются ареалы комплексов и отдельных элементов культуры. Так, например, нельзя говорить, как это обычно делалось в работах XIX — начала XX в., о славянском жилище вообще. Существовал балканский тип жилища сего разнообразиями, центральноевропейский (каркасный) с вариантами в разных районах Германии, Чехии, Австрии и т. д., тип дома-риги, который был распространен в ряде районов Северной Европы, севернорусское жилище, имевшее близкие аналоги у соседей — карел, коми, вепсов и т. д. Словацкое жилище в Карпатах близко к венгерскому, румынскому, польскому — тоже в Карпатах и т. д. Примерно так же выглядят языковые и диалектологические карты, которые составляются лингвистами.

Все это не значит, что изоглоссы и изопрагмы* располагаются на карте вразброс, без всякой закономерности. Традиционная народная культура всегда составляла органическую систему, и система эта, общеевропейская по своему типу, варьировала в довольно устойчивых подрегионах. Это утверждение, вероятно, справедливо, однако требует тщательной исследовательской проработки.

Несмотря на интенсивное развитие этнографии в большинстве европейских стран в XIX—XX вв. и, казалось бы, непреодоленный до сих пор евроцентризм европейской науки, обобщающих работ в масштабе всей Европы создано до сих пор сравнительно мало. Некоторые исключения составляют исследования славяноведов и финноугроведов. Вместе с тем обнадеживает наметившееся преодоление разобщенности этнографии отдельных народов и активность современных общеевропейских связей.

Так, в Германии существовало традиционное разделение на «фолькскунде» (Volkskunde — этнография немцев или несколько шире — германоязычных народов) и «фёлькеркунде» (Völklerkunde — этнография других народов, главным образом колониальных). После длительной дискуссии 70-х годов стали возникать одна за другой кафедры «европейской этнологии» (Europäische Ethnologie). Сходный процесс наблюдается и в скандинавских странах. В России интерес к этнографии европейских народов появился в XIX в., но этнографическая европеистика как самостоятельная наука оформилась в 1940—1950-х годах, особенно с образованием в 1957 г. Сектора этнографии народов Зарубежной Европы в Институте этнографии АН СССР. С тех пор опубликована серия работ историко-сравнительного и сравнительно-типологического характера.

Очень положительную роль в этом процессе играют Европейское общество этнологов и фольклористов (SIEF), действующее в последние годы довольно активно. Международное общество исследователей повествовательного фольклора (ISFNR), общеевропейские журналы «Этнология Эуропа» и «Фабула». Следует также назвать Международное общество фольклористов-музыковедов и Комиссию по составлению этнографического атласа Европы (к сожалению, в последние годы она работает недостаточно интенсивно).

Фольклористам и этнографам, занимающимся европеистикой, следовало бы обсудить вопрос о разработке согласованной программы сравнительного изучения традиционной культуры европейских народов. Это могло бы способствовать дальнейшему сближению историко-этнографической науки и фольклористики как науки одновременно и этнографической, и филологической, и музыковедческой.

Если не идеальным, то все-таки некоторым образом (который требует, разумеется, совершенствования) исследований сравнительного характера по сопоставимым программам может быть серия книг, опубликованных в 70—80-х годах сектором народов Зарубежной Европы Института этнографии АН СССР, о котором я уже упоминал, в том числе «Жилище народов Зарубежной Европы», четырехтомная монография «Календарные обычаи народов Европы», два из трех задуманных томов «Брак у народов Европы» и др. Разумеется, можно назвать и работы, опубликованные в других странах, — об обрядах, орнаменте, народной одежде, традиционной социальной организации и т. п. Однако, как правило, им предшествовали эмпирические исследования по трудносопоставимым программам. И еще один парадокс: названные выше книги не включают материалы по народам европейской части СССР.

Обратимся к вышедшему в 1973—1983 гг. четырехтомнику «Календарные обряды народов Европы» (под редакцией С. А. Токарева). Здесь довольно четко выделены пять европейских субрегионов, которые в совокупности составляют европейский историко-этнографический регион: Юго-Восточный, Центральный,

* Линии на карте, соединяющие населенные пункты или территории, на которых зафиксировано употребление одинаковых лексем или словесных форм — изоглоссы, бытовых (или обрядовых) предметов сходного типа — изопрагмы.

романоязычный Южный, Северный (Скандинавия) и Северо-Западный. Если включить в общую картину Европейскую часть СССР, то следует назвать еще несколько: Прибалтику, Восточнославянский регион, Поволжье и Приуралье и т. д. Можно сказать, что в этих регионах европейская культура функционировала в своих субрегиональных вариантах. В действительности картина, разумеется, еще сложнее, так как внутри субрегионов выделяются особые районные отличия, отличия отдельных локальных групп, контактные или переходные зоны.

Специалистов все это не удивляет. Традиция и вариативность были в прошлом важнейшими особенностями народной культуры, немислимыми одна без другой. Орудия труда, утварь, мебель, пища, обряды, музыкальные инструменты, фольклорные тексты не тиражировались, а воспроизводились в значительном, хоть и конечном числе допустимых вариантов. Так, например, народная женская одежда или жилище какой-нибудь деревни могли быть одного или двух-трех типов, но каждый конкретный экземпляр был по-своему индивидуален, был результатом не массового типового производства современной фабрики, а примитивного ручного ремесла, таившего в себе огромные творческие возможности. Фольклористы не случайно относятся с недоверием к абсолютно дословно совпадающим текстам — возникает подозрение о перепечатке или фальсификации.

В масштабах названных выше субрегионов или локальных групп вся эта масса непрерывно варьирующих явлений складывалась в определенную в типологическом отношении систему бытовой прикладной и художественной культуры.

Обратимся к фольклорному примеру, например из сферы традиционной устной народной прозы — сказки. Сказка — один из наиболее изученных жанров фольклора европейских народов (наряду с балладой, преданиями, эпосом). Мощный толчок развитию европейского сказковедения дал в свое время сборник братьев Гримм. Второй толчок, если позволительно употребить такой «термин», дала «финская школа», появившаяся в XIX в. и получившая большую популярность в первые десятилетия XX в. В отличие от братьев Гримм, которые искали в немецкой сказке выражение старогерманского духа (связь их учения с войнами против Наполеона и бурным процессом формирования общенемецкого национального самосознания несомненна), финская школа основывалась на теории заимствования, считала, что тот или иной сюжет сказки может возникнуть только однажды и он передается из одной этнической среды в другую, приобретая интернациональный характер. Задача сказковедения — проследить этот путь и попытаться восстановить текст сказки в его первоначальном виде. Если братья Гримм занимались сказкой на заре европейского сказковедения, когда оно еще очень мало знало о сказках даже европейских народов и еще меньше о сказках народов других континентов земного шара, то к началу XX в. эти знания стали довольно обширными. Характерно, что к столетнему юбилею сборника братьев Гримм начал издаваться знаменитый пятитомный комментарий к этому сборнику немецкого фольклориста И. Больте и чешского — И. Полívки. Дополняя и развивая комментарий самих братьев Гримм, они собрали неслыханное количество сюжетных параллелей к этому сборнику. Сюжеты сказок оказались интернациональными. Среди параллелей было множество европейских.

Возникает два вопроса. 1. Значит ли это, что в сказках отдельных народов нет ничего национально специфического? Значит ли это, что представления европейских романтиков о фольклоре как о могучем источнике развития национальных литератур были только иллюзиями? 2. Значит ли это, что в сказках европейских народов нет ничего специфически европейского, что они тонут в море мировой сказки?

Ответы наши могут быть только краткими и не окончательными. Этнически специфическое в сказке надо искать на уровнях выше или ниже сюжета. Сюжет отражает закономерности сказкотворчества, единые для всего челове-

ства. Этнически же особенное обнаруживается в структуре сюжетного репертуара, характерном для отдельных народов или их родственных групп, и в своеобразных слияниях сюжетов в сложных текстах либо в характерном наборе мотивов, реализующих сюжет, в бытовых реалиях и верованиях, проникающих в сказку, в специфических словесных формулах и, шире, в поэтике сказки, в ее словесной плоти, в народной стихии сказочного языка. В конечном счете между интернациональным и национальным нет непримиримого противоречия. Этот научный тезис давно подтвержден традицией европейской литературной сказки (Прево, Андерсен, Пушкин, Салтыков-Щедрин и др.) и значительным воздействием сказки на литературную прозу европейских народов, особенно в период романтизма и становления современных национальных литератур.

Ответ на второй вопрос еще сложнее. Лучшим исследованием сказки в общеевропейских масштабах остается несколько раз переиздававшаяся книга известного швейцарского фольклориста М. Люти «Европейская сказка» (первое издание — 1960 г.). Это книга о сюжетосложении, поэтике и стилистике. Однако она не содержит сопоставительного изучения европейской и неевропейской сказки. Такое обобщение еще впереди. Есть также несколько работ, содержащих внутриевропейские сопоставления двух или нескольких народов (Ловис оф Менар «Русская и немецкая сказка», целый ряд разработок славистов и др.). Очень много дает в этом отношении издающаяся в ФРГ «Энциклопедия сказки» (вышло шесть томов).

Исследователи сказки обладают мощным механизмом — системой, которая позволяет учесть все известные сюжеты, предлагает их группировку, нумерацию с резервными номерами и библиографию. Основания ее были заложены финским фольклористом А. Аарне, издавшим в 1910 г. каталог сюжетов финских сказок. Вслед за ним стали появляться каталоги сюжетного репертуара разных народов мира, а в 1928 г. американский фольклорист С. Томпсон опубликовал сводный указатель, вобравший материалы национальных каталогов (он переиздавался в 1961, 1964 и 1973 гг. с дополнениями). По материалам этих указателей возникло несколько сопоставительных исследований — самого С. Томпсона, Р. Боггса и др.

В настоящее время существуют указатели, охватывающие сюжетный репертуар более чем 30 народов Европы, т. е. большинства народов этого региона.

Сюжеты сказок интернациональны. Однако обнаружилось, что система Аарне — Томпсона все-таки с трудом применима к сказкам тюркских народов, китайским, монгольским, японским сказкам, сказкам народов Индии, а тем более Африки, Австралии и т. д. Это означает, что существует европейская сказка как специфический классический тип. При сопоставлении сказок европейских народов обнаруживается, что около двух третей сюжетов примерно одинаковы — это преимущественно волшебные сказки, сказки о животных и наиболее архаичные новеллистические сказки.

Сходные результаты получены и исследователями европейских народных баллад, преданий и эпических песен. Следовательно, и для фольклора справедливо уже высказанное утверждение: мы вправе говорить об общности европейской фольклорной культуры и ее варьировании в отдельных субрегионах Европы и в отдельных этнических средах.

И наконец, несколько заключительных замечаний.

Процесс урбанизации и модернизации культуры, сыгравший столь важную роль в судьбе традиционной народной культуры, развивался и развивается в разных странах Европы разными темпами и в своеобразных формах. В некоторых из них он шел параллельно с активизацией национального самосознания (Чехия, Словакия, Венгрия, Ирландия, Уэльс и пр.), однако и в них возрождение архаических народных традиций развивалось преимущественно во вторичных формах (фольклоризм), для которых характерно включение элементов, маркирующих этническое сознание, в современные бытовые и эстетические системы (от музыки, мультфильмов, литературы, национального костюма, который

функционирует в праздники, до туристских сувениров). Сравнительное изучение этого процесса пока развито мало (ср. венгерско-словацкий журнал *Folklorismus Bulletin* и др.), однако и здесь ощущается значительная исследовательская перспектива.

Особенно следует выделить движение «протестсингеров» — создателей и исполнителей песен социального протеста, представляющих собой некую «новую устность» — синкретическое явление, объединившее поэта, композитора, музыканта и исполнителя, как это было в классическом фольклоре. Однако это далеко не фольклор в традиционном смысле этого слова, хотя песни поэтов-певцов в известной мере выполняют сходные функции.

Процесс урбанизации постиндустриального общества выразился помимо всего прочего в неслыханном развитии технических средств массовой информации — кино, теле- и радиосистем, различного рода воспроизводящих устройств, охватывающих весь европейский континент густой сетью информационных связей, открытой и интерконтинентальным влияниям.

На фоне интенсивных культурных связей, характерных для нашего времени, это приводит к тому, что былая общность традиционной культуры европейских народов многократно перекрывается современной общностью и межнациональной циркуляцией современной профессиональной культуры (и «высокой» культуры, и так называемой «массовой»). В то же время отметим, что фольклорные и этнографические программы Интервидения (например, международный кинофестиваль «Радуга», обмен мультфильмами и т. п.) дают нам примеры современного общеевропейского фольклоризма в его вторичных и в меньшей мере в условно-первичных формах. Это заметно повышает взаимную осведомленность европейских народов о традиционных ценностях архаической народной культуры.

© 1990 г.

З. П. Соколова

НАРОДЫ СЕВЕРА СССР: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

На Крайнем Севере нашей страны и в Сибири живут весьма малочисленные народы. Их 26, самый крупный из них (ненцы) насчитывает 34,5 тыс. чел., а самый маленький (ороки) — 190 чел.¹

Все они коренные жители территории, которую населяют; каждый обладает своей древней оригинальной культурой, своим языком. В 1925 г. специальным постановлением ВЦИК и СНК все эти народы были выделены в группу так называемых «малых народов Севера» на основе нескольких признаков: 1) малая численность; 2) уникальный характер традиционных занятий — оленеводство, охота, рыболовство, морской зверобойный промысел; 3) особенности образа жизни и быта, связанные с традиционным хозяйством (кочевание или полуседлый образ жизни для многих из них); 4) низкий уровень социально-экономического развития².

Советское государство, основываясь на принципах ленинской национальной политики, провозгласившей равенство всех народов в нашей стране, поставило задачу помочь им достичь фактического равенства.

В связи с этим уместно вспомнить те социально-правовые, социально-экономические и социально-культурные мероприятия, которые в 1920—1930-х и в последующие годы позволили в какой-то степени выравнять социально-